

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные концепции языкового знака и отмечаются их противоречия. С позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы раскрывается специфика языка как семиотической системы и обосновывается статус высказывания как языкового знака.

Ключевые слова: *значение, знак, слово, предложение, высказывание*

Один из важнейших вопросов изучения языка – знаковость языковой системы. Как отмечал в свое время Г.П. Щедровицкий, стремление рассмотреть язык как знаковую систему обусловлено поиском собственно научного предмета для языкознания [12, с. 430]. Постановка этого вопроса в языкознании принадлежит Ф. де Соссюру: “Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем” [10, с. 40]. Соответственно, лингвистика определялась им как часть общей науки о знаках – семиологии (семиотики). В настоящее время ученые-лингвисты обязательно выделяют знаковый аспект при исследовании языка, отмечая при этом, что язык – это знаковая система особого рода.

В отечественной лингвистической традиции сложилось два подхода к пониманию сущности языкового знака. Поскольку язык представляет единство звука и значения, большинство языковедов рассматривают язык как двустороннюю сущность и определяют языковой знак как материально-идеальное образование. При этом языковой знак представляет единство мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего). Две стороны языкового знака, представляя неразрывное единство, позволяют обозначить и выразить определенный “кусочек действительности”, выделенные факты и события [8, с. 167]. Считается, что билатеральная трактовка языкового знака продолжает

и развивает концепцию языкового знака Ф. де Соссюра, поскольку знак потому и знак, что нечто означает и обозначает.

Сторонники второго подхода к знаку – унилатерального – в качестве знакового аспекта языка относят только соотношение между звуковым комплексом и его акустическим образом, т.к. “звуковые единицы языка в принципе не могут включать в себя психическое отражение действительности в качестве одной из своих сторон” [9, с. 164]. Именно поэтому звуковые комплексы лишь ассоциируются с психическими отражениями в сознании говорящих, поскольку акустический и смысловой коды мозга заложены в разных его структурах. Соответственно, “язык даже в той его части, которая хранится в мозгу человека, не может быть определен как система знаков. Язык не сводится к системе знаков, к акустическому коду, ибо в нем заключается и система смысловых образов (означаемых), смысловой код” [9, с. 165]. Как следствие “языковое” значение – ассоциативная связь между акустическим образом и “мысленным” образом (означаемым) – выводится за пределы семиотики. Если сторонники билатерального подхода считают слово основным знаком языка, то сторонники унилатерального подхода, определяя слово как основную единицу языка, выделяют в нем лишь знаковый аспект. Надо отметить, что оба подхода к определению сущности языкового знака содержат неустраняемые внутренние противоречия и являются своего рода компромиссами, обусловленными теоретическими допущениями и ограничениями системцентрической парадигмы ис-

следования языка. Вполне очевидно, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы должно быть пересмотрено содержание самих понятий языкового знака и знаковости языка.

Человек культуры живет в уже опредмеченном мире (по Ж. Пиаже), выступая при этом одновременно субъектом и объектом этого мира. В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, реальный мир выступает перед человеком в “удвоенном” виде: как мир “вещей” и мир общественно выработанных знаний об этих вещах, как отображение этого мира в идеальных формах. Но, строго говоря, есть лишь единый мир, который выступает перед нами только таким, каким мы его представляем. “Удвоение мира” – это дань научной традиции, картезианскому противопоставлению внутреннего (ментального) мира субъективной реальности и внешнего (материального) мира объективной реальности.

Если идеальное во многом характеризует происхождение сознания, его природу (*со-знание*), т.е. является его онтологическим признаком, то “удвоение мира” – это подчеркивание признака представления, который характеризует “работу” сознания и является его функциональным признаком: идеальные формы сознания могут выступать в функции *значений*. Репрезентативность как сущностная черта идеального при соответствующих гносеологических интенциях может стать множителем мира. Так, Е.С. Кубрякова, обосновывая семиотическую заданность когнитивных исследований, пишет: “Мы реально живем в мире вещей и взаимодействуем с людьми вокруг нас. Мы тоже живем в мире языка, который предлагает нам увидеть и понять мир в терминах уже *означенной* и *ословленной* действительности. Но мы живем тоже и в мире знаков” [5, с. 33]. Однако мы живем все-таки только в “мире вещей”, ориентируясь в нем с помощью своих представлений об этом мире, но именно отношение представления удваивает или утраивает мир. Знаки же, в том числе языковые, координирующие наши концептуальные схемы, – это те же вещи “мира вещей”: “То, что мы привыкли называть языковым знаком (противопоставляя его тем самым знакам неязыковым), для Наблюдателя является таким же компонентом среды (ниши) как и любая другая сущность, с которой организм может вступать во взаимодействие” [4, с. 215]. Ср.: “Слова речи – это знаки, т.е. те же вещи” [3, с. 365].

Концептуальная схема (образ, картина мира) у индивида формируется на основе познавательных и коммуникативных процессов отражательного и репрезентативного характера. Создание и формирование концептов (структур знаний и представлений о мире, переживаний, непосредственно с ними связанных) из концептуальной схемы индивида на основе процедур представления обуславливает ментальное пространство *со-знания*, апелляция к которому обеспечивает координацию концептуальных схем в процессе коммуникации, а также при порождении социально значимого знания, в том числе и научного. Отсюда следует, что область взаимодействий человека с нишей (миром преобразовательных действий и преобразо-

ванных вещей) выступает областью идеальных форм событий, явлений и вещей реального мира, в том числе включающего область взаимодействий человека с собственными описаниями мира (перцептивными и апперцептивными объектами).

Единство “бытия-в-мире” (М. Хайдеггер) обуславливается информационными процессами, синтезирующими результаты познавательных и коммуникативных процессов, что возможно на основе формирования и манипулирования предметными (содержательными) значениями событий, явлений и вещей реального мира, как объективного, так и субъективного. Последнее связано с семиозисом: семиотическое удвоение мира опосредовано созданием значений на основе репрезентации (знаковых значений как представлений представления), т.е. вторичной сигнификации. Информационные процессы прежде всего связаны не с содержанием процессов познания и коммуникации, но организацией движения и взаимообращения их результатов в сознании индивида при его взаимодействии с природой и другими людьми, обществом.

Знаки, а точнее, знаковые системы составляют особую область эмпирических и перцептивных объектов и представляют второй план функционирования идеальных форм, что обусловлено их двойной сигнификацией: предметные значения как идеальные формы событий, явлений, вещей становятся основой импликации как идеального действия, по сути, и представляющей вторую сигнификацию. Последняя не является одиночным идеальным действием, поскольку возможна не просто на основе предметных значений, но обязательно на основе их оппозиций, противопоставленности однопорядковых предметных значений.

Идеальную форму вещи (ее предметное значение), использованную в знаковой функции не следует отождествлять с ее знаковым значением: отношение *план выражения* / *план содержания* и отношение *означающее* / *означаемое* соотносятся с разными абстрактными объектами и связаны с разными идеальными актами. Однако сторонники первого подхода, во-первых, допускают существование невероятного, с точки зрения здравого смысла, объекта – «материально-идеального образования», во-вторых, переводят *означающее* языкового знака, в отличие от Ф. де Соссюра, из психического (идеального) в материальное, тем самым отождествляя его с планом выражения. Сторонники же второго подхода в качестве языкового знака рассматривают только соотношение *звуковой комплекс* – *звуковой образ*, лишая таким образом языковой знак конституирующего свойства знака как такового – его второй сигнификации (см.: Схема. 1).

Антропоцентрический принцип и деятельностный подход, определяющие современную научную парадигму, в том числе характеризующие и когнитивную лингвистику, позволяют утверждать, что любой знак может существовать только потому, что существует понимающее его сознание и обеспечивающая это понимание система культуры. Очевидно, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы должно быть пересмотрено содержание самих понятий знака и знаковой системы. Соответственно, любой знак, даже ес-

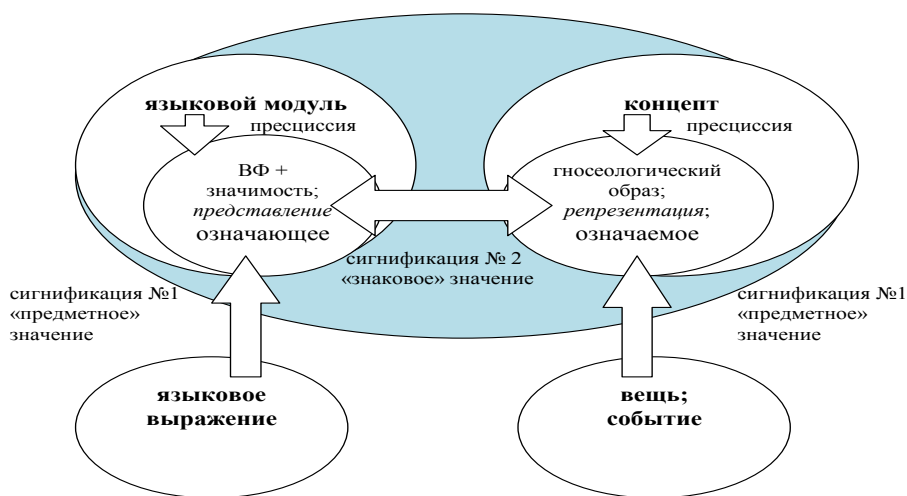
ли понимать его как “материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоего др. предмета, свойства или отношения, используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)” [11, с. 198] (что характерно для системоцентрической научной парадигмы), принципиально **коммуникативен**.

Коммуникативность как обязательное свойство любого знака вновь обращает внимание на то, какую единицу языка считать языковым знаком – слово или предложение, и дезавуирует укорененное в языкознании мнение о том, что основным языковым знаком является слово. Естественная сосредоточенность лингвистов на феномене связи между звуком и значением, допущение о двусторонней сущности слова, при котором оно становится носителем «кусочка знания о действительности», существующим вне человека и его деятельности, привели в традиционном языкознании к сведению проблемы языкового знака к процессу означивания и созданию концепции, согласно которой: “Язык как сложная система знаков характеризуется двукратным означиванием ее единиц, к-рое формируется первично в системе средств (в целях выделения и обозначения релевантных признаков предметов, явлений) и вторично в речи [с целью пе-

редачи информации прагматического (см. *Прагматика*) воздействия на участников коммуникативного акта]” [8, с. 167].

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от всех других знаковых систем естественный язык выступает первичной моделирующей системой, поскольку состоит из эмпирических объектов, изначально предназначенных для выполнения знаковой функции, для указания на иные эмпирические и абстрактные объекты. При этом языковые выражения как эмпирические объекты обладают своим собственным предметным значением, однако вектор второй сигнификации направлен на них, поскольку элементы и единицы языковой системы как таковые знаками не являются, но способны при своем комбинировании порождать их в бесконечном количестве. Значимая единица языковой системы обладает знаковым значением, поскольку является апелляцией к определенной области смыслов из концептуальной схемы, однако направление апелляции (совпадения) может измениться, что зависит как от употребления данной единицы в **высказывании**, которое и предстает в качестве полноценного **языкового знака**, так и от системы знаковых значений **единиц языка**.

Схема 1.

Аналогичное понимание языкового знака мы находим и в изысканиях 60 – 70-х годов прошлого столетия В.Г. Гака. Анализируя и опровергая позицию Э. Бенвениста, В.Г. Гак доказывает, что предложение (высказывание) обладает всеми признаками знака: выступает в качестве чувственно воспринимаемого элемента, представляя “другое” в когнитивно-коммуникативной деятельности человека, обладает различительной функцией, относительной устойчивостью. Неограниченность же количества предложений (высказываний) является проявлением внутренней системности знаков, поскольку они состоят из определенного набора единиц низшего уровня, вступающих в парадигматические и синтагматические отношения [1, с. 206 – 207]. В.Г. Гак приходит очень важному

теоретическому положению, согласно которому естественный язык в отличие от других семиотических систем, прежде всего искусственных, является знаковой системой, позволяющей делать неограниченное количество сообщений [1, с. 211].

Все расхождения в трактовке языкового знака между Ф. де Соссюром и Э. Бенвенистом ученый видит не только в терминологическом и концептуальном планах, но и в самой сложности знаковых отношений в языке: “В системе, на уровне языка, знаковые отношения объединяют языковой элемент (имя) и понятие – сигнификат, под которое подводится соответствующий класс предметов. Иначе быть и не может, поскольку в отвлечении от конкретной реальности и вне конкретного акта коммуникации имя может быть

сопоставлено только с представлениями и понятиями о реальных предметах, связях между ними и т.п. В конкретном акте коммуникации положение меняется. Здесь имя используется для наименования элементов объективной реальности. В акте номинации устанавливается связь между наименованием, выражающим определенное понятие, и предметом (денотатом). Итак, если на *уровне языка* знаковые отношения представляют собой соотнесенность: наименование ↔ сигнификат / денотат, то на *уровне речи* лингвистический знак характеризуется уже отношением: наименование / сигнификат ↔ денотат (*Выделено курсивом мною. – Г.М.*) [1, с. 213]. Из чего следует, что в речи “не слово, но высказывание выступает как подлинный полноценный лингвистический знак. Слово же, включенное в высказывание, оказывается частью знака. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т.п.” [1, с. 215].

Таким образом, не единицы языковой системы (морфемы, слова, предложения) являются полноценными языковыми знаками, но высказывания как единицы речевой деятельности человека. Язык, следовательно, предстает когнитивным инструментом, системой продуцирования знаков, использующихся в репрезентации ментальных презентаций и в видоизменении структур знаний: “Значения приравняются концептуализации, т.е. эксплицируются как когнитивная переработка. <...> Лингвистическая семантика в концепции К.Г. имеет энциклопедический характер, так как лингвистические выражения значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний, которые и позволяют “обнаруживать” смысл высказывания” [6, с. 50].

Необходимо подчеркнуть, что под ‘значением’ имеется в виду знаковое значение языковых выражений, благодаря которому и осуществляется указание. Структуры знаний, к которым обеспечивается таким образом доступ, и есть означаемое языкового выражения как знака. Знаковое значение языкового выражения кодифицировано в “направлении совпадения” как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Знаковое значение языкового выражения указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср.: выражение “стоит за словом”), “растворяясь” в них. Это ближняя, наиболее частотная и актуализированная зона смыслов, так называемое ближайшее значение мыслительного содержания, по А.А. Потебне.

Апелляция к тем или иным смыслам концептуальной схемы сознания (со-знания), ее направление определяется целями и задачами коммуникации и типом дискурса (ср., “вода” – питье, сырость, химический элемент, несущественная информация, свободное или большое водное пространство и т.п.). Соответственно, можно утверждать, что актуализация зна-

чения инициирует *мысль*, а результатом мысли становится *смысл*. Это формы идеальной природы, но качественно и функционально различные. В плане соотнесенности значения и смысла необходимо, вслед за А.А. Леонтьевым подчеркнуть, что значение – это любая форма социального закрепления и кодификации *деятельности*, существующая также и в сознании. Со значением соотносятся личностные смыслы как форма включенности значения в концептосферу. Значение языкового выражения апеллирует не к одному смыслу, но конфигурации смыслов в различных структурах знания, которые идеальны, т.е. принадлежат *со-знанию*, но могут частично включать индивидуально-личностные смыслы.

Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов *со-знания* каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком, реализованным в тексте. Данное положение перекликается с теоретическим положением Г.П. Щедровицкого, согласно которому “язык – это не знаки, это знание знаков, и знаки в нем существуют не как знаки, а как действительность знаний” [12, с. 280]. В таком случае языковая система, являясь компонентом структуры речемыслительной деятельности, предстает в качестве системы средств обеспечения данной деятельности и одновременно знанием о её аспектах (знаковых значениях) и продуктах – текстах [12, с. 280].

Таким образом, сущность языкового знака заключается в апелляции к мысли как движению и столкновению смыслов через апелляцию к этим смыслам (указание только на смыслы не может обеспечить коммуникации): “Структура высказывания – это своего рода система векторов или операторов, прилагаемых к этим исходным элементам” [7, с. 218]. Синтаксическая конструкция как единица языка представляет отображение операций формирования, направления и движения мысли, выступая ориентировочной базой для взаимодействия коммуникантов.

На самом деле “любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активируемых в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий” [2, с. 67]. Действительно, языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает “мир текста” и соотносится с ситуацией своего применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит переориентация указания, реализованного на основе системы знаковых значений языковых выражений, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки (т.е. обладают одними и теми же смыслами). Совпадение “направления

совпадения”, т.е. областей смыслов как структур знаний и представлений о мире, у разных индивидов образует “мир дискурса” и обусловлено как биологиче-

ским единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.
2. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. – С. 62 – 73.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
4. Кравченко А.В. Знак, значение, знание // Проблемы общего языкознания. Вып. 1: Языковой знак. Сознание. Познание: Хрестоматия / Под редакцией А.Б. Михалева – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 240 – 259.
5. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). – С. 28 – 34.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.

7. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2001.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Издательство “Советская энциклопедия”, 1990.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
12. Щедровицкий Г.Н. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. I. Структура знака: смыслы, значения, знания. – М.: Вост. лит., 2005.

REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED

1. Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija [Language conversion]. – М.: Shkola “Jazyki russkoj kul'tury”, 1998.
2. Zalevskaja A.A. Nekotorye problemy teorii ponimaniya teksta [Some problems of the theory of text comprehension] // Voprosy jazykoznanija. 2002. № 3. – S. 62 – 73.
3. Kolesov V.V. Filosofija russkogo slova [Philosophy of the Russian word]. – SPb.: JuNA, 2002.
4. Kravchenko A.V. Znak, znachenie, znanie [Sign, meaning, knowledge] // Problemy obshhego jazykoznanija. Vyp. 1: Jazykovoju znak. Soznanie. Poznanie: Hrestomatija / Pod redakciej A.B. Mihaleva – Pjatigorsk: Izd-vo PGLU, 2002. – S. 240 – 259.
5. Kubrjakova E.S. Razmyshlenija o sud'bah kognitivnoj lingvistiki na rubezhe vekov [Reflections on the fate of cognitive linguistics at the turn of the century] // Voprosy filologii. 2001. № 1 (7). – S. 28 – 34.
6. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [The concise dictionary of cognitive terms]. – М.: MGU, 1996.

7. Leont'ev A.A. Jazyk i rechevaja dejatel'nost' v obshhej i pedagogičeskoj psihologii: Izbrannye psihologičeskie trudy [Language and speech activity in general and educational psychology: selected psychological works]. – М.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO “MODJeK”, 2001.
8. Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. V.N. Jarceva. – М.: Izdatel'stvo “Sovetskaja jenciklopedija”, 1990.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. Obshhee jazykoznanie [General linguistics]. Uchebnoe posobie. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2007.
10. Sossjur F. de. Kurs obshhej lingvistiki [Course in General Linguistics]. – М.: Editorial URSS, 2004.
11. Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' [Encyclopedic dictionary of philosophy]. – М.: Sov. jenciklopedija, 1989.
12. Shhedrovickij G.N. Znak i dejatel'nost' [Sign and activities]. V 3 kn. Kn. I. Struktura znaka: smysly, znachenija, znanija. – М.: Vost. lit., 2005.

Manaenko G. The specificity of language as a sign system

Abstract: The article discusses the traditional concepts of the linguistic sign and highlights their differences. From the standpoint of cognitive-discursive paradigm the author shows the specifics of language as a semiotic system and justify the status of expression as a linguistic sign.

Keywords: value, character, word, sentence, statement